

ГЛАВА XIII. Власть и организация.

Некоторая часть анархистов смешивает эти два столь различных термина. Ненавидя власть, они отрицают всякую организацию и видят в этой последней только род принуждения. Другие, чтобы не впасть в эту ошибку, доходят до того, что провозглашают целую анархическую организацию при наличности власти. Между тем, между этими терминами существует капитальная разница. То, что сторонники власти называют организацией, есть только полная иерархия, предписывающая законы и выступающая от имени и вместо всех, или заставляющая отдельных индивидуумов действовать в качестве чьих бы то ни было представителей. Мы понимаем под словом «организация» соглашение, которое образуется между индивидуумами, в силу их интересов, соединивших их для общего дела; это взаимные отношения, вытекающие из ежедневных сношений, которые все члены общества принуждены иметь друг с другом. Такая организация не должна иметь ни законов, ни статуты, ни регламентов, при помощи которых каждый индивидуум был бы принужден подчиняться под страхом какого-нибудь заранее определенного наказания; не должна иметь ни комитета, который ее представляет, ни парламентов, обязанных формулировать и декретировать мнение большинства.

Индивидуумы не должны быть связаны с нею, помимо их желания; они должны оставаться свободными и самостоятельными с правом покинуть указанную организацию, если бы она захотела вмешиваться в их личную инициативу.

Набрасывая картину будущего общества, было бы сомнением с нашей стороны полагать, что это и есть рамка, в которой общество должно будет эволюционировать; мы не имеем высокомерного желания дать план организации и возвести его в принцип.

Пытаясь оформить наши представления о будущем обществе, мы хотим просто только набросать в крупных чертах главные линии, которые должны пояснить наши представления, ответить на возражения, делаемые анархической идее, и показать, что общество может очень хорошо съорганизоваться без властей, без представительства, без законов, если оно действительно основано на социальной справедливости и равенстве.

В особенности мы хотим показать, что индивидуумы одни способны знать свои собственные нужды и уметь руководить собою в своем развитии, и что в этом отношении они не должны доверять никому; что есть только один способ быть свободным и равным — это не допускать господ и уметь уважать самостоятельность каждого, когда он уважает вашу.

Индивидуумам должна быть предоставлена свобода знакомиться друг с другом и соединяться в группы по сходным наклонностям. Установить единую форму организации, в

которую должен был бы сложиться весь мир, и которая была бы введена тотчас после революции — утопия; было бы реакционным делом — мешать эволюции будущего общества, ставить границы прогрессу, удерживать его в пределах нашего узкого кругозора.

Среди индивидуумов господствует такое различие характеров, темпераментов и мировоззрений, что только самое узкое доктринерство могло бы наметить рамки, в которых общество волей или неволей было бы призвано жить и действовать.

Ничто не обещает нам, что идеал, который светит нам сегодня, удовлетворит нашим завтрашним требованиям и, в особенности, требованиям индивидуумов, призванных составить общество.

Бессилием и бесплодностью поражало до сих пор все социалистические школы, без различия оттенков, то обстоятельство, что все они в своих проектах будущего имели претензию урегулировать и предусмотреть вперед эволюцию индивидуумов.

В обществах, которые они мечтали установить, ничто не было предоставлено индивидуальной инициативе. В глубокой мудрости своей социологи декретировали вперед, что полезно или вредно для индивидуумов, и последние должны были преклоняться и не требовать ничего, кроме того, что их «благодетели» считали нужным им предложить. Таким образом то, что отвечало стремлениям одних, шло в разрез с желаниями других: отсюда распря, борьба и невозможность создать ничего прочного.

То, что мы предлагаем здесь является только индивидуальной концепцией, которая на практике должна будет примениться к другим индивидуальным концепциям. Пусть каждый создает себе идеал общества, стараясь его пропагандировать; один проект исправится другим, и в день применения на практике они явятся уже обсужденными и улучшенными, что не исключает возможности им смешиваться, беря от каждого то, что в нем есть хорошего, и отбрасывая то, что было бы слишком индивидуальным.

По мнению некоторых наших противников, анархия — это возврат в дикое состояние и смерть всякого общества. Нет ничего более ложного. Только ассоциация дает человеку возможность пользоваться механическими средствами производства, предоставленными к его услугам наукой и промышленностью, только соединяя свои силы, индивидуумы увеличат свое благосостояние и самостоятельность, и мы без тревожных криков и предостережения знаменосцев буржуазии знаем полезность ассоциации.

Но эта ассоциация должна способствовать счастью *каждого* индивидуума, а не одного класса, она должна проистекать от добровольного участия каждого, а не быть навязанной в отвлеченной форме, делающей из нее фетиша, поглощающего всех отдельных индивидуумов.

Для того, чтобы не впасть в те же ошибки, не столкнуться с теми же препятствиями, на которых потерпели крушение все социальные системы, созданные до сих пор, нам нужно остерегаться думать, что все люди созданы по одному образцу, что то, что может подойти к темпераменту одного, удовлетворит безразлично всех. Это необходимо для пропаганды идеи, как и для организации будущего общества. Чтобы подготовить революцию, которая

соответствовала бы задуманному идеалу, следует, пропагандируя свои идеи, поступать по определенным принципам, сообразуясь с излагаемыми идеями; нужно приучиться действовать согласно своим замыслам, не ожидая приказаний со стороны кого бы то ни было, устранять из своих поступков все то, в чем обвиняют современное общество. Поступать иначе — значило бы подготовить в короткий срок возвращение тех же заблуждений, которых хотят разрушить.

Будучи практичнее своих противников, анархисты должны помнить совершенные ошибки, для того, чтобы их избегать. Взывая к индивидуальной инициативе, они не должны терять время на споры о существенности или полезности того или другого средства. Те, кто согласны между собой в какой-либо идее, соединятся в одну группу для приложения этой идеи к жизни, не заботясь о тех, которые не являются ее сторонниками; точно также сторонники какой-либо другой идеи сгруппируются для применения ее на практике, и, таким образом, каждый будет работать для общей цели, не мешая другому.

Прежде всего анархисты хотят совершенно уничтожить все тяготеющие над нами учреждения; опыт должен показать им, как лучше всего с ними бороться. Это единственное средство делать практическое дело, вместо того, чтобы терять время в бесполезных спорах, часто совершенно бесплодных, в которых каждый хочет, чтобы его образ мысли одержал верх, без всякой надежды убедить своих противников; спорах из которых человек часто выходит поколебленным в своей вере и потому менее исполненным решимости применять на практике свои идеи, и в результате которых обыкновенно возникает столько же разномыслящих фракций, сколько было в наличности идей, и при том фракций, враждебных между собою и теряющих из вида общего врага, чтобы воевать друг с другом.

Индивидуумы, группируясь по общим идеям, научатся жить и думать самостоятельно, не нуждаясь ни в власти, ни в современной дисциплине, состоящей в том, что усилие целых групп или отдельных индивидуумов уничтожаются из-за того, что остальные придерживаются различного взгляда.

И это будет полезно еще и в том отношении, что революция, произведенная на этой базе, могла бы быть только анархической, ибо индивидуумы, научившись жить без всякого принуждения, не будут настолько наивны, чтобы на другой день после победы выбрать себе главарей, тогда как они сумели без них победить.

Идеал некоторых социалистов: соединить всех рабочих в одну партию, получающую инициативу от центра, составленного из будущих правлений. В день революции люди из этого управляющего центра были бы облечены властью, и образовали бы таким образом новое правительство, которое декретировало бы новые законы и учреждения, долженствующие управлять новым положением вещей.

Так, например, коллективисты утверждают, что новая власть должна будет декретировать экспроприацию собственности и средств производства, организовать производство, регламентировать потребление и уничтожить, само собой разумеется, тех, которые будут других убеждений.

Мы видели, что это несбыточные мечты. Декреты об экспроприации, изданные после борьбы, были бы не действительны, ибо не декретами можно экспроприировать социальное богатство. Либо идея экспроприации будет преобладающей идеей грядущей революции, тогда все усилия восставших направятся на выполнение ее; либо она оттолкнет большинство, и тогда правительство, если бы даже оно захотело ее выполнить, встретило бы после восстания такую серьезную оппозицию, что это могло бы быть началом новой революции.

Только совершившиеся факты должны дать толчек революции. Восставшие работники должны сами завладеть домами, мастерскими и магазинами. Восставшие должны будут действовать за одно со всеми неимущими, объясняя им, что все, что имеет общий характер, не принадлежит никому лично, и не может быть собственностью, которая могла бы быть передаваема произвольно: дома, фабрики, поля, копи, будучи произведением естественных сил или прошедших поколений, составляют наследство настоящих и будущих поколений и, следовательно, должны быть в распоряжении тех, кто имеет в них надобность, если только они не заняты, и тот, кто их держит, не может сам лично использовать их.

Все, что не приносит непосредственной пользы для индивидуума, все, что не может быть использовано индивидуально, составляет коллективную собственность всех, кто соединится в группу для пользования ею, но только на то время, пока они будут ею пользоваться; а затем строения, почва, машины становятся достоянием всех тех, кто пожелал бы использовать их, в виду того, что первые работавшие на них отказываются впредь пользоваться ими.

Иначе не может быть, как мы увидим далее, и с продуктами; никто, под предлогом предусмотрительности, не имеет права отнимать у тех, кто нуждается немедленно; бережливость хороша только при условии, что от нее никто не страдает. На это слишком мало обращала внимание буржуазная экономия.

Личное присвоение будет тем более трудно, по крайней мере, что касается орудий производства и собственности, что люди не будут знать, что делать с землей и с машинами, которых они не сумеют использовать, будучи предоставлены самим себе, и которые следовательно будут для них бесполезны. Что же касается жилищ, то какова бы ни была жадность человека, он не сможет занимать помещение свыше известного предела. Накопление пищевых продуктов будет ограничено сроком, в который они могут испортиться и невозможностью скрыть их от глаз тех, кому они могут быть нужны. Теперь законы о собственности дают одному человеку право накопить запасы, могущие прокормить тысячи людей, и сгноить их на месте, если это ему нравится. В нормально устроенном обществе это было бы невозможно, потому что те, которые были бы голодны, имели бы право завладеть тем, что превышает способность потребления одного индивидуума. Так как каждый сможет завладеть орудиями производства, при помощи которых он будет в состоянии работать своими силами или в ассоциации с другими, и каждый будет хозяином продукта своего труда, то будет абсолютно невозможно найти работающих за плату.

В виду того, что торговля будет уничтожена, те которые будут обладать средствами производства, превышающими их силы, будут принуждены или соединяться на началах

равенства с теми, кто сможет им помочь, или же предоставить эти орудия тем, которые смогут ими действовать.

Между тем наибольшая часть современных орудий производства может функционировать только при помощи ассоциации индивидуальных сил, и вот готовая почва, на которой индивидуумы сговорятся и попытаются установить зачаток организации. Лишь только появится эта первая группировка, выяснятся и отношения между различными группами, в которые индивидуумы должны будут съорганизоваться. Из всякой потребности индивидуума, из каждого способа действия, присущего человеческой личности, произойдет целая серия отношений между индивидуумами и различными формами группирования, это разнообразие способностей и различие в характере поступков будут управлять в области социальных отношений.

Как только экспроприация будет совершена, и согласие установлено, не будет надобности — ибо в этом и заключается опасность, как мы докажем — искать для них санкции какой-либо власти.

Нельзя предвидеть всех последствий борьбы, которая завязывается, ни обстоятельств, которые смогут из нее произойти. Мы показали в начале этого труда, что эволюция предшествует революции, но эта эволюция может быть только поверхностной, пока она остается в умах и не происходит в социальных отношениях. С другой стороны мы показали в *«Умиравшем обществе»*, что сама социальная организация ведет нас к революции; часто случается, что политические события, экономические кризисы совершаются скорее, чем эволюция идей, и предшествуют ей иногда в области фактов.

Все это случайности, которые человеческая проницательность не в состоянии предвидеть, и побороть их будут способны только те, кто будет призван померяться с ними.

Нельзя заранее представить себе функции будущего общества также точно и определенно, как устанавливаются колеса музыкального ящика, который начинает играть, лишь только механизм заведен, и в котором достаточно поставить пружину в известный зубец шестерни, чтобы получить желаемую арию. Все, что мы могли бы вообразить с теоретической точки зрения, всегда будет только идеалом, более или менее приближающимся к действительности, но которому всегда будет недоставать базы, как только дело дойдет до применения его на практике, ибо человек считается со своими желаниями, наклонностями, способностями и даже с недостатками, но он не всеведущ, один человек не может понимать все побуждения, которыми движется человечество.

Поэтому с нашей стороны было бы смешно доказывать, что можно наметить рамки будущему обществу; но мы будем остерегаться также другой ошибки, общей многим революционерам, которые говорят: «Займемся сначала разрушением современного общества, и мы увидим затем, что нам следует делать». Между этими двумя способами смотреть на вещи имеется, по нашему мнению, третий, лучший, и именно: Если мы не можем сказать с уверенностью: «так будет», мы должны знать «чего не должно быть», и чему мы обязаны препятствовать, чтобы не попасть снова под иго капитала и власти.

Мы не знаем, какая будет форма организации производительных и потребительных групп, ибо таковые сами должны быть судьями в том, что их удовлетворяет, и однообразный способ действия не может удовлетворить всех; но мы можем очень хорошо сказать, как поступили бы мы лично, если мы были бы в обществе, в котором все индивидуумы имели бы возможность действовать свободно.

Точно также нам нужно исследовать, как общество смогло бы эволюционировать без покровительственной власти, без пресловутых «статистических комиссий», которыми коллективизм хотел бы нас наградить взамен упраздненных правительств; как и почему можно было бы уничтожить употребление денежных знаков, которые экономисты считают необходимыми для жизни всякого общества, и почему было бы вредно заменить их «бонами труда», также изобретенными коллективизмом, и обещающими восстановить под другим названием все устройство современного общества, якобы разрушаемого коллективистами.

Необходимо иметь представление обо всем этом, потому что не в натуре людей итти, не зная куда. Затем, как мы уже сказали, путеводная цель должна диктовать нам наше поведение в жизни и наш образ действий в пропаганде наших идей.

Коллективный идеал должен образоваться из тех концепций и тех частиц идеала, которые будут внесены каждым членом общества в отдельности. Из хаотической суммы индивидуальных мнений выльется общая синтеза, которая в день, когда настанет время ее осуществления, проявится рядом со всеми стремлениями всех отдельных личностей.